

Dohnal, Josef; Knjažnin, Jakov Borisovič

Яков Борисович Княжнин (1742-1791)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 111-119

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130398>

Access Date: 23. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Яков Борисович Княжнин

(1742–1791)

Яков Борисович Княжнин начал свою творческую деятельность, написав несколько трагедий, благодаря которым он стал известным, хотя многое им заимствовано из источников прежде всего французского происхождения. Найдите, как называются самые известные его трагедии и каким темам они посвящены.

Ниже приводимые произведения или их отрывки принадлежат к другим жанрам русской литературы. К которым их можно приурочить? По которым признакам?

СУДЬЯ И ВОР сказка

Подлез, подкрался вор —
В ворота или на забор,
Нет нужды в этом;
Когда — зимой иль летом —
И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят
Подробно им скажи о том о сем:
Каков лицом?
Каков кудрями?
Каков бровями?
Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
Довольно вам: его поймали,
Его связали
И привели к судьи

Судья кричит: «Ах, батюшки мои!..
 Так! это он! старинный мой знакомец!
 Стреляй, мой прежний сопитомец.
 И с ним учился вместе я.
 Он вор — а я судья!..
 Скажи: товарищи, залетны наши птицы,
 Где ныне? как живут? и чем? и кто?
 Какие в обществе они играют лица?
 Судьи ль они? или иное что?
 С тех пор как с ними я расстался,
 О них не слышу ничего».
 На дружеский вопрос плечами вор пожался,
 Сказав: «Повесили их всех до одного;
 Лишь только я да ты остался».

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб гордый, головой касаяся до неба,
 На гибку Трость смотрел с презреньем с высоты.
 «Какая, — говорил он ей, — в тебе потреба?
 Пастушьей простоты
 Игра и шутка,
 Бывает из тебя лишь только дудка;
 Из ветвей же моих — полубогам венцы
 Сплетаются, победы их в награду.
 Героям я даю отраду,
 А ты — утеха ты барана иль овцы.
 Творение, презренно целым миром,
 Что дует, ты всему покорная раба;
 Ты даже спину гнешь пред слабеньким Зефиром,
 А мне ничто Бореева труба».
 Как водится, пред знатным господином,
 Пред силой коего всё — мелкая черта,
 Трепещущая Трость, не разевая рта,
 Почтенному дубовым чином,

Чтоб лишних избежать сует,
Дает низжайшими поклонами ответ.
Но вот, нахмуря брови черны
И ветренну Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!»
Тирану этому уклончивая Трость,
Опять согнув хребтову кость,
Покорно бьет челом, ему упавши в ноги.
Не прикоснулася Бореева к ней злость,
Безвредно ей, он мчится по дороге
Туда, где крепкий Дуб стоит;
Он ждет и от него поклона,
Но Дуб от спеси лишь кряхтит, —
Не хочет Дуб нести Бореева закона.
Сильнее ветер там, где более упор,
И гневаться Борей безмерно скор:
С такую яростью на Дуб упрямый дунул,
Что с места он его и с корнем ссунул.

ЛАДНО И ПЛОХО

Разговор двух мужиков — Козовода и Мирохи

«А! кум любезный Козовод!
Давно ли?..» — «Вот лишь только с клячи»
— «Микола как тебя пасет?
В дороге много ли удачи?
Каков здоровьем ты?» — «Здоров.
А ты, Мирохо, сам каков?»
— «Я также. Наши все ль здоровы?»
— «Все, — слава! — кони и коровы;
Хевронья, тетушка моя,
Одна о Покрове дни пала;

Спасибо ей, домком живала,
 И после ней с двором и я».

— «Ну, это ладно...» — «Нет, Мирохо,
 Хоть ладно видится, да плохо.
 Хевроньин дом старенек был.
 О ней ли, што ли, он грустил,
 От старости ль упал, иль с горя, —
 О том, с тобою я не споря,
 Скажу, что он меня сдавил
 И сделал из меня лепешку».

— «И вправду, плохо.» — «Ни на крошку
 Ты, куманек, не угадал.
 Не плохо это — очень ладно.
 Ведь денежки иметь изрядно?
 Лишь только што оклечетал,
 То, разбираючи я пади,
 Нашел в широкой самой кади,
 В капусте, денег жирный клад.
 Приказчик дочь свою, Мавруху,
 Мне отдал...» — «Ладно!..» — «Плохо, брат!
 Жена-сумбурщица не лад.
 Однажды эту я воструху,
 Как солнце лезло на закат,
 Застал в лесочке, за скотиной,
 С Петрухой, знаешь, Красиком.
 Со мной, он думал, с дураком;
 А я вязовою дубиной
 Бока как надо отхватал,
 И от Маврухи он отстал»...

— «Што ж? Ладно!..» — «Нет, не больно ладно:
 Маврухе, видишь, неповадно
 С одним со мною только жить,
 И ну грустить она, тужить,
 Зачахла, сделалась как спичка.
 Больных лечить плоха привычка,
 Однако, бают, надо так.

Я трёс машинёю, как дурак,
Платил, платил, — не тут-то было.
Упрямое Мавруха рыло,
Хоть што, в могилу уперла;
Незапно подвела мне пешку,
И лекарям, и мне в насмешку,
Вчера как надо умерла».
— «Неужто и теперь не ладно?»
— «Насилу, кум, сказал ты складно!»

http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0120.shtml

ОТРЫВОК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (сокращено)

А

Азбука.

Знание, составляющее всю ученость многих, думающих о себе гораздо более.

Арифметика.

Искусство богатому считать свое, а бедному чужое.

Ах!

Затычка стихотворцев слабых и любовников охолоделых.

Авось.

Словцо, которое всех людей за нос водит.

Автор.

Отголосок древних умов.

Амур.

Проказливый мальчик для молодых красавиц и для набожных старушек.

Аминь.

Словцо, означающее конец. Оно по большей части венчает искусство лекарей над участью больных.

Анбар.

Самая тесная комната у богачей, а обширная у бедняков.

Аргус.

Юнонин сторож, который стерег богиню Ио. Он имел у себя сто глаз. Ныне

и с тысячию не успел бы в своей должности.

Аврора.

Мачеха плоских стихотворцев.

Архива.

Памятник судейским взяткам.

Б

Бал.

Собрание, в котором молодые люди в танцах выставляют свою фигуру;
а старики свою за картами прячут.

Болван.

Вещь, на которую часто головы похожи бывают не одними париками.

Благословение.

То же, что и мешок; без денег ничего не значит.

Бесстыдный.

То же, что и пробошной мужичок, с свинцовой головкой; как его в нос не
щелкай, всегда становится в позитуру.

Богатство.

Сильное свидетельство о способностях ко всему.

Божба.

Очень ходячая в свете монета, по большей части фальшивая.

Болтать.

Одно достоинство многих.

Бедность.

Уничтожение всех наших дарований.

Беспристрастие.

Качество, весьма сумнительное и редкое.

Бессмертие героев.

Достоинство, покупаемое смертью многих простолюдинов.

Белила.

Подпора увядших красот.

Брак.

Панихида по любви.

Благодарность.

Не нынешнее, но древнее чувство.

В

Важность.

Маска дураков, а особливо ученых.

Веселие.

По большей части значит перемену одной скуки на другую.

Воскресенье.

День узаконенный опочить от трудов. Простой народ, исполняя сей закон, чтобы крепче опочить, напивается допьяна.

Воспитание.

Блестящий лак, из-под которого и дурная картина бросается в глаза.

Врач.

От слова враг часто отличается только переменою буквы *з* на *ч*.

Война.

Искусство, показывающее правило, как себя порядчнее убивать.

Взятки.

Судейский оселок, на котором они пробуются без ошибки.

Воображение.

Огромный анбар, в котором хранятся разного рода придури.

Высокомерие.

Помнится, божество идолопоклонников, творящее и чудеса и глупости.

Вопрос.

Речь, доказывающая и очень умного, и очень глупого человека.

Вселенная.

Театр человеческих деяний.

Г

Гордость.

Огромная вывеска самой маленькой души.

Глупость.

Качество общее, с которым можно быть долговечну.

Гроб.

Предел желаний.

Грех.

В слабомыслящем человеке он рождается каждую минуту, но здравый рассудок принимает его на себя очень редко.

Город.

Место, где всякий, надев маску, старается сыграть свою роль как можно лучше.

Герб.

Замена личного достоинства.

Гость.

Для скупого самая несносная особа.

Гром.

Пробуждение природы и закоснелой в преступлении совести.

Грabitь.

Пример, как с помощью силы разживаться.

Гнуть.

Ежели спиною, то в передних знатных господ; ежели совестью, то за судейским столом; ежели языком, то у ног любовницы.

Гулянье.

Место, где красавицы, не смотря ни на кого, заставляют всех на себя смотреть.

Д

Детство.

Возраст человеческий, в котором играют в куклы. Сей возраст во всю жизнь его продолжается -- разница только в куклах.

Добрый человек.

Смирный, не делающий другому вреда. Итак, такая доброта есть и в собаке, которая не кусается.

Дерзость.

Деяние, которое приемлет наблистательнейшее имя, если есть удача.

Деньги.

Существительное отменных свойств, занимающее одно само собою всевозможные прилагательные.

Дураки.

Они то, что самые темные тени в картинах -- нужны для оттенки.

Дать.

Глагол весьма неупотребительный, а только употребляется там, где нет надежды более взять.

Добродетель.

Епанча, которую на себя надевают честные люди, чтобы чем ни есть от плутов отличиться.

Добросердие, добродушие.

Платье, в котором летом очень жарко; а зимою очень холодно. И для того его ныне, кроме бедняков и простых людей, никто не носит.

Достоинство.

Где оно заключается в степенях богатства, там часто бывает оно без достоинства.

Дружба.

Душевная свадьба, которая подвержена нередко разводной.

Доволен.

Сие чувство столь же от нас далеко бежит, как должник от заимодавца.

...

http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0200.shtml

